Н. Г. Зайцева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОМИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВЕПСОВ В ИМЕНОВАНИЯХ ПОНЯТИЯ «РАДУГА» (лингвогеографический и этимологический аспекты)¹

Аннотация. В статье в фокусе лингвистической географии и этимологии находятся именован- ния понятия «Радуга» в диалектах вепсского языка. В языке в качестве именовании используются лексемы, которые приспособлены для передачи искомого значения по сходству семантики (*bembel* 'дуга в упряжи'; *kare~kar* 'дуга в лодке, распорка'). Широко распространены также композиты, включающие в качестве определяемого компонента именно названные лексемы. Определяющими же, генитивными компонентами являются *Jumal* 'Бог', *kollii* 'умерший', а также *hebo* 'лошадь' (*heboine* – dimin.) и др., являющиеся историческими свидетельствами мифологи- ческих представлений вепсов о радуге, повлиявшими на возникновение названий. В бытовании лексем отмечается значительное разнообразие форм и вариантов бытования, куда активно вклю- чились также и именованья радуги, возникшие в детской речи. Разнообразие названий дополня- ется и заимствованиями из русского языка.

Ключевые слова: вепсский язык, языковые контакты, лингвистическая география, этимо- логия, мифология.

Введение

Вепсы – один из малочисленных народов Российской Федерации, потомки древней веси, издавна проживали совместно с восточными славянами (русскими) на территории между Ла- дожским, Онежским и Белым озерами, и упоминаются в «Повести временных лет» как один из народов, который вместе с русскими участвовал в призвании варягов на Русь. Вепсы (см. рис. 1) почти одновременно с русскими приняли православие, и в дальнейшем их сосущество- вание отразилось на всех уровнях вепсского языка.

В настоящее время вепсы проживают в России на стыке трех регионов: Республики Ка- релия, Ленинградской и Вологодской областей. По переписи населения 2010 г. вепсами в Рос- сии назвали себя 5936 человек, из них в Карелии – 3423 человека, в Ленинградской области – 1380 человек, в Вологодской области – 412 человек. Сокращение численности вепсского насе- ления, снижение уровня владения языком беспокоит вепскую общественность и ученых, а также органы власти. В 2000 году постановлением Правительства Российской Федерации вепсы включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федера- ции, которые находятся под особой защитой государства (см. Строгальщикова, 2016: 13–14). Язык вепсов занесен в «Красную книгу языков народов России» (Красная книга, 1994: 21–22). Данные меры призваны стимулировать работу по ревитализации вепсского этноса, сохране- нию его языка и культуры, возвращению активного двуязычия. Этому должно способствовать и возрождение (1989 г.) вепсской письменности на основе латинской графики, как это было и в 1930-годы, обучение вепсскому языку в школах, что осуществляется в ряде учебных заведе- ний Республики Карелия и Вологодской области, и отчасти лишь в форме факультатива в Ле- нинградской области. В настоящее время в Карелии подготовлены учебники для школ и вузов, разговорники, двуязычные и орфографические словари, выходит в свет на вепском языке один раз в месяц газета «Kodima» ('Родная земля'), ежегодный литературный альманах «Verez tullei» ('Свежий ветер'), журнал для детей «Kipinä» ('Искорка'), ведутся еженедельные теле- и радиопередачи, издается художественная литература (см.: Зайцева, 2007: 106–123).

¹ Статья подготовлена в рамках плановой темы ИЯЛИ КарНЦ РАН «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Рос- сийской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте», АААА-А18-118012490344-5.

Рис. 1. Современная территория расселения вепсов

Все это стало возможным благодаря, в том числе, и накоплению вепсского языкового материала, и тем научным изысканиям, которые проводились и проводятся в области вепсского языка.

Язык вепсов относится к северной группе прибалтийско-финской ветви уральской языковой семьи; он сохранил яркое исконное наследие, а также включает определенные самобытные признаки, не имеющие аналогов в родственных языках. В вепсском языке выделяется три диалекта: северновепсский, южновепсский и средневепсский с двумя группами говоров – западной (приоятской) и восточной (белозерской) (см. рис. 2). Их особенности представлены в опубликованных книгах образцов вепсской речи, изданных в Финляндии, России, Эстонии, в диалектном словаре вепсского языка (СВЯ), в научных исследованиях и электронных ресурсах (ВК; ВепКар). Уникальная коллекция вепсского диалектного материала хранится в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, насчитывая более 450 часов магнитофонных записей практически из всех пунктов проживания вепсского населения. Вепские материалы спорадически отображены на картах «Лингвистического атласа Европы», а также вошли в трехтомный «Лингвистический атлас прибалтийско-

финских языков», который был подготовлен международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии и Карелии (ALFE, 2004, 2007, 2010). В настоящее время увидел свет также и «Лингвистический атлас вепского языка» (ЛАВЯ)², который включает в себя 150 лингвистических карт, сопровождающихся комментариями и отражающих ареальное распределение фонетических и морфологических признаков, а также диалектной лексики. В работе с привлечением методик лингвистической географии, этимологического анализа и в целом сравнительно-исторического языкознания, а также с учетом историко-культурного и ландшафтного контекста предложен анализ как самих языковых реалий, так и их ареалов. Материалы атласа дали возможность выявить более детально прибалтийско-финское наследие, определить результаты контактов с родственными и неродственными народами, прояснить инновативные процессы развития и их влияние на формирование диалектных ареалов вепского языка.

Рис. 2. Диалекты вепского языка

Лексический раздел атласа позволил также наряду с ареальным, этимологическим анализом углубиться и в духовную культуру вепского народа, которая исторически была тесно связана с мифологией, что нашло свое отражение и в номинации. Отметим, что эта связь была настолько прочной, что в отдельных случаях из лексикона вытеснялись нейтральные наименования предметов, явлений, различных животных и т.д. Так, ALFE в свое время показал, что во всем прибалтийско-финском языковом ареале отсутствуют нейтральные наименования волка. Волк был особенно окружен различными тайнами и легендами, и его боялись даже больше, чем медведя. Слово «волк» нельзя было произнести вслух, поскольку можно было накликать беду. Полагали, что он объединяет земные и небесные силы. На свадьбе волк мог появиться в образе жениха и расстроить ее. В прибалтийско-финских языках сохранились

² Работа над атласом велась под руководством автора данной статьи в течение 6 лет при поддержке грантов РГНФ (РФФИ) (см. Зайцева, Муллонен, 2018: 85–103).

лишь табуированные именованья волка, которые могут выступать в различных фонетических вариантах, или лексемы со значением ‘собака’, заимствованные из иных языков: *hukka*³ ‘утрата, потеря (животных в стаде)’; *hääntti*: < *hääntä* ‘хвост’; *hüntti* < нем. ‘das *Hund* ‘собака’; *hürtta* < рус. *хорт* ‘гончая’; *susi* < ср. лат. *suntene* ‘большая собака’ (ALFE, 2010: 321–322). И, таким образом, в языковом ареале, который расположен в зоне, где обитали волки, его нейтральное, первоначальное наименование в языках было утрачено повсеместно.

Названий понятия «Радуга», которые рассматриваются в данной статье, в языке вепсов немало. Часть из них также обладает мифологической подоплекой.

1. «Радуга» – дуга; дуга Бога (*bembel'*, *jumalanbembel'*, *kollianbembel'*)

Радуга – это явление в природе, которое всегда интересовало представителей любого народа, получив «в народной традиции мифологическое истолкование» (СДЭС: 386). Конечно, все это обладает своим отображением и в языках, которые находят соответствующие символы для его называния. И как показывает анализ, многие названия, обладая различной фонетической оболочкой, имеют в языках одну и ту же семантическую подоплеку или мотивацию. Это можно наблюдать, конечно же, прежде всего, на материале родственных языков: напр., в сравнительно-ономасиологическом словаре карельского, вепского, саамского языков в статье «радуга» содержится 13 (не включая фонетические варианты) ее основных именований, собранных в полевых условиях в 1980-е годы, которые в основном мифологизированы и основное значение которых ‘дуга Бога-старца’ (СОСД: 19–20).

Картина названий радуги в вепских диалектах также разнообразна, поскольку обладает еще множеством фонетических вариантов, объясняющихся говорными различиями. Наиболее часто в качестве именований понятия используются лексемы, которые приспособлены для передачи искомого значения по сходству семантики, прежде всего, это слова, модифицирующие ‘дугу’ – *bembel'*, *kare* ~ *kar'*.

Лексема *bembel'*, главное значение которой ‘дуга в упряжи’, является в вепском языке прибалтийско-финским наследием (SSA, 2000: 424; EES: 598), обладая в диалектах множеством фонетических вариантов (см. Рис. 3): *bembel'*, *bembuu*, *bembüu*, *vembel'*. Звуки *v* ~ *b* отражают характерный для вепского языка переход начального *v* > *b*, происшедший, за редкими исключениями, практически на всей вепской территории вследствие ассимилятивного воздействия звонких согласных внутри слова на инициальный *v* (ср. *vibloine* ~ *bibaleh* ‘горбушка, ломоть (хлеба)’, *varb* ~ *barb* ‘ветка’, *varbaz* ~ *barbaz* ‘палец ноги’). В свою очередь, вариативность конца слова (*bembel'*, *bembuu*, *bembüu*) вызвана воздействием русского языка на произношение согласного *l*, который утратил во многих случаях в вепском свой прибалтийско-финский характер и стал произноситься как твердый русский -л, когда за ним следовали гласные звуки заднего ряда. В образцах вепской речи, а также и в диалектном словаре вепского языка многие вепские слова и записаны как *lumí* ‘снег’, *lor* ‘конец’ и т. д. (см., напр., (СВЯ, 294–303)). Изменение характера произношения *l* повлекло за собой дальнейшие фонетические преобразования, в результате которых согласный *l* вокализовался и перешел в -*u*: *bembuu* (см. об истории явления: (Tunkelo, 1946: 445–448)). Это фонетическое изменение особенно характерно для средневепских говоров. Северновепские же говоры в этом отношении противостоят средневепским сохранением звука *l*, даже при том, что в сходной позиции характер звука изменился и в нем (северновепский: *höbol* ‘на лошади’ (адессив), *melel* ‘на уме’ (адессив)). Однако в варианте *bembel'*, напротив, заключающий слово согласный *l* характеризуется смягчением – наследием воздействия исторического гласного переднего ряда, следовавшего

³ Наименования здесь даны на финском языке, но их рефлексy имеются и в иных родственных языках.

за -l- (ср. фин. *vempele* ‘дуга’: SSA, 2000: 424). Лексема, обозначая радугу одиночно, всегда вписывается в определенный контекст, который указывает на данное явление, напр.: *däl’ges vihmad bembel’ taivhas* ‘после дождя на небе радуга’ (СВЯ: 43).

В ряде говоров лексема *bembel’* включена в сложное слово, которое обладает значительной мифологизированной семантикой, указывая при этом уже непосредственно на радугу: *jumalan/bembel’* (и варианты) букв. ‘Бога дуга’ [GenSing+NomSing] и *kollian/bembel’* букв. ‘умершего дуга’ [GenSing+Nom Sing].

В лексеме *jumalan/bembel’* радуга связана с Богом, который, по представлениям народа, создал на земле все, в том числе и радугу. Лексема *jumal*, употребленная в данном случае генитивно, встречается во всех прибалтийско-финских (возможно, и в ряде финно-угорских языков: см. (SSA, 2001: 247)). В прибалтийско-финском языковом мире она ранее входила в круг мифологической лексики с семантикой ‘знаток, колдун’, сохраняя в вепсском некоторые отголоски этого и сейчас в словах типа *jumalan/juru* ‘гром’ (букв. ‘грохот Бога’), а также и в именовании понятия «Радуга». Главное и единственное значение слова *jumal* сейчас в языке вепсов – это Бог. Фонетические варианты в начале слова *jumalan/bembel’*, *d’umalan/bembel’*, *g’umalan/bembüi* демонстрируют разное представительство исторического правепсского *j* в начале сложных слов, в данном случае у определяющих (генитивных) компонентов. В средневепсских западных говорах в начале первого слога сохранился исторический *j*, в белозерских средневепсских говорах произошло его замещение согласным *g’*, а в северновепсских говорах – согласным *d’*, что произошло под влиянием северорусских говоров, где подобное явление также известно (см. напр. (Суханова, Муллонен, 1986: 38–45)).

В лексеме *kollian/bembel’*, свойственной говорам северных вепсов, где первая часть слова *kollii/kolii* ‘умирающий’, является причастием агента от глагола *kolda* ‘умереть’, сказались представления народа о «радуге, как пути в иной мир» (Винокурова, 2015: 148). Эти представления широко известны у народа и нашли свое отражение также и в вепсском эпосе, который был издан в 2012 г., несколько раз переиздан и переведен на русский, финский и эстонский языки:

Airan muštho tuli,
hän ved’ kerdan kuli
tatoïn, mamoin sanoid:

-*Bembledme* konz mäned,
taivhaze void päzda,
linneb ani läznas...

Вспомнилось тут Айре
из рассказов старых
матушкино слово:

-*Радугой* пологой
до небес так близко,
ты дойдешь без риска... (Zaiceva, 2016: 69–70).

2. «Радуга» – дуга в лодке; водная дуга (*kare*, *kar’*, *vezikar’*, *kar-hebo*)

Еще бóльшим разнообразием отличается круг названий радуги, в которых используется лексема *kare* (основа *karege-*) и ее фонетические варианты *karoi*, *kar’*. При этом название природного явления также возникло в результате переосмысления исходной прибалтийско-финской семантики ‘дуга’, но в этом случае это ‘дуга внутри лодки, распорка’. Слово *kare* является прибалтийско-финским наследием, и с фонетической точки зрения все вепсские варианты исторически обоснованы (SSA, 2001: 265). Оно употребляется в подобном значении, кроме вепсского, и в родственных языках в составе сложных слов, напр.: (кар.) *ikon/koari* букв. ‘Бога-старца дуга’ (KKS, 2005: 401), (фин. диал.) *vihma/kärre* букв. ‘дождя дуга’ (SSA, 2001: 265).

Слово *kare*, в отличие от *bembel’* ‘дуга’, о котором речь шла выше, одиночно в значении ‘радуга’ не встречается, выступая лишь в композитах *vezi/kar’* букв. ‘вода + дуга’ [NomSing + NomSing] и *kar’/hebo* букв. ‘дуга + лошадь’ [NomSing + NomSing].

Сложное слово для именования радуги *vezi/kar'* 'водяная дуга' прозрачно по происхождению и практически не мифологизировано и отражает, на наш взгляд, лишь описание явления.

Рис. 3. Именования понятия «Радуга» в вепских диалектах

В свою очередь, композит *kar'/hebo* (букв. 'дуга + лошадь') вызывает полемику. Исследовательница вепской этнографии И. Ю. Винокурова (Винокурова, 2015: 147) первую часть этого именования возводит к слову *kar'ko* – т.е. к кличке лошади карей масти, считая слово русским заимствованием. Основанием для этого послужил пример из диалектного словаря вепского языка: *kar'ko veden job* 'карько воду пьет' (СВЯ: 181). Авторы СВЯ, приведя данную иллюстрацию, тем не менее, отметили в скобках, что речь идет именно о радуге. Данная иллюстрация – это загадка, которых о радуге у вепсов немало. Видимо, здесь сказался, в свою очередь, и результат народной этимологии по сходству звучания вепского *kar'* 'дуга' с русским Карько, в результате чего произошла перестановка частей сложного слова: с *hebon/kar'* букв. 'лошадь + дуга' [GenSing+NomSing] → на *kar'/hebo* букв. 'дуга + лошадь' [NomSing+NomSing].

Вепское именование радуги *kar'/hebo*, в отличие от *vezi/kar'*, уже обладает образным значением компонентов: здесь и метафора, описывающая форму радуги (дуга), и отголосок некоего мифологического сюжета, связанного с представлениями о радуге как пьющей воду из озера или реки, которая затем выливается в виде дождя и питает землю. У многих народов

существуют представления о том, что радуга – это «живое или одушевленное существо, которое пьет воду из рек и озер» (СДЭС: 386–387). Отметим, что лексема *jumalan/heboine* букв. ‘Бога лошадь’ [GenSing + NomSing], которая также была зафиксирована у средних приоятских вепсов Ленинградской области в значении ‘радуга’, напрямую подтверждает наши размышления, четко сохранив в своей семантике отголоски этого, практически утраченного мифологического сюжета.

3. Именования радуги в детской речи (*kiroi-karoi* и т.д.)

В вепском языке существует многочисленная группа именований радуги с сочинительной связью, созданных по принципу аллитерации: *kiroi-karoi*, *kir’oi-kar’oi*, *iroi-karoi*, *orei-karei*. Лексемы, в нее входящие, все являются диминутивами и также связаны со словом *kare*, *kar* ‘дуга в лодке, распорка’, о котором речь шла выше (см. также (SSA, 2001: 265)). Эти именования – предмет детской речи, детского лепетания и игры слов и тоже несут отголосок мифологических представлений. Поскольку варианты слов возникли в речи детей, то в них наблюдаются, кроме уменьшительно-ласкательного суффикса *-i*, различные перестановки звуков, наличие и отсутствие инициального *k*, игра звуков *a ~ o*, *a ~ i* (*kiroi-karoi*, *iroi-karoi*, *orei-karei*) и т.д.

Мы полагаем, что и вариант именования радуги *il’oi-kal’oi*, отражая особенности произношения детьми звука *r* как мягкого *l’*, входит также в этот же ряд и не имеет отношения к слову *ilo* ‘веселье’, как полагает этнолог И. Ю. Винокурова (Винокурова, 2015: 146), хотя, возможно, было бы соблазнительно увидеть в этом вепском именовании радуги семантику радостного предзнаменования, навеянную русским *радуга* [ср. русское диал. *веселка*, украинское *веселиця* ‘радуга’ и т. д. (Фасмер, 1971: 431)].

4. Радуга как полоса (*jono*, *g’ono*)

На востоке вепского языкового ареала в белозерских средневепских говорах в функции радуги используется лексема *göno*, букв. ‘полоса’, представляющая также образно форму радуги. Лексема *jono* с идентичным вепскому значению ‘полоса, ряд’, по свидетельству этимологических словарей, не является распространенной в родственных языках: кроме финского языка, ее рефлексy в том же значении имеются лишь в карельских ливвиковских говорах (SSA, 2001: 241). В вепских же вариантах *göno ~ jono* ‘полоса’ лексема представлена в обеих группах средневепских говоров (СВЯ: 99–100), однако в значении ‘радуга’ была зафиксирована лишь в восточновепской Пондале (Вологодская обл., Бабаевский р-н), являясь в указанном значении своеобразной вепской инновацией.

Радуга как цветное явление (*jumalankušak*)

Наконец, среди вепских обозначений радуги зафиксировано два русских заимствования:

1. *kušak* (< рус. *кушак*) функционирует у южных вепсов одиночно в зависимости от контекста либо в составе сложного слова (*jumalan/kušak*, букв. ‘Бога кушак’ [GenSing+NomSing]). Слово проникло из смежных русских тихвинских говоров как сложившаяся в них метафора для обозначения именно радуги, поскольку кушак или пояс как предмет одежды у вепсов называется *võ*. Кушак – хорошо известный в славянской культуре образ, нашедший соответствующее языковое воплощение. В русской культуре пояс ассоциируется с цветным содержанием радуги (СДЭС, 2009: 388). Культура вязания кушаков или поясов (*võ*) у вепсов была прекрасно освоена и уникальна (Строгальщикова, 2016: 47); они были действительно яркими и

красочными, напоминая радугу. Вепское сложное слово *jumalan/kušak* 'божий кушак' подчеркивает мифологическое содержание названия в южновепском ареале.

2. И в свою очередь, русское заимствование *raduga* было зафиксировано при сборе материала всего в двух населенных пунктах и является практически единственным специальным термином для наименования понятия 'радуга'.

Выводы

Таким образом, названия *радуги* в вепском языке исключительно разнообразны, здесь представлены как вполне нейтральные лексемы, такие как *kare* 'дуга в лодке' и *bembel* 'дуга (в упряжи лошади)', которые описывают внешний вид явления, но, не являясь полноценными терминами, требуют определенного контекста при их употреблении, а также и лексемы, которые переплелись с мифологией (*kollian/bembel* 'дуга мертвеца', *jumalan/heboine* 'божья лошадка', *jumalan/kušak* 'божий кушак', *hebon/kar* 'лошади дуга') или возникли под воздействием детской речи как следствие аллитерации из диминутивной формы названия дуги в лодке *kare ~ karoï: kiroï-karoï, kir'oi-kar'oi, iroï-karoï, orei-karei, il'oi-kal'oi*.

В целом именованная понятия «Радуга» и лингвистическая карта, на которую они нанесены, интересны тем, что дают возможность увидеть распространение вариантов именования в диалектных ареалах, позволяют проследить развитие семантических возможностей вепского языка, обратить внимание на расширение значений слов, показать возможности приспособления или прямого заимствования русских лексем для передачи искомого значения, что демонстрирует своеобразие путей пополнения вепского лексического тезауруса, свидетельствуя, в том числе, и о влиянии мифологии на мотивацию возникновения именований.

Список сокращений:

ед. число – единственное число; лат. – латышский; мн. число – множественное число; нем. – немецкий; обл. – область; р-н – район; рус. – русский; фин. – финский; GenSing – генитив ед. числа; NomSing – номинатив ед. числа.

Список литературы:

- ВепКар** – Открытый корпус вепского и карельского языков (ВепКар). – URL: dictorpus.krc.karelia.ru
ВК – Корпус вепского языка. – URL: vepsian.krc.karelia.ru
Винокурова И. Ю. Мифология вепсов. Энциклопедия. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2015.
Зайцева Н. Г. Опыт и проблемы языкового планирования у вепсов // *Studia Slavica Finlandensia*. – Tomus XXIV. Helsinki, 2007 – С. 126–153.
Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепского языка (на материале «Лингвистического атласа вепского языка» // *Вопросы языкознания* – № 6 – М., 2018. С. 85–103.
Красная книга – Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 1994.
ЛАВЯ – Зайцева Н.Г., Муллонен И.И., Мызников С.А., Жукова О.Ю., Бродский И.В., Шибанова Н.Л. Лингвистический атлас вепского языка. / Под общ. ред. Н. Г. Зайцево и др. – СПб: Нестор-История, 2019.
СВЯ – Зайцева, М. И., Муллонен, И. И. Словарь вепского языка. – Л.: Наука, 1972.
СДЭС – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1–3 / Под ред. Н. И. Толстого – М., 1995–2004.
СОСД – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. – Петрозаводск: Карелия, 2007.
Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. – Петрозаводск: Карельский научный центр, 2016.
Суханова В. С., Муллонен И. И. О Г' протетическом в русских говорах Карелии // *Севернорусские говоры в иноязычном окружении*. – Сыктывкар, 1986. С. 38–45.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: – Прогресс, 1986–1987.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 1925; Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja, 159. – Helsinki, 2004, 2007, 2010. Vol. I–III.

EES – Eesti etümoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. – Tallinn, 2012.

KKS – Karjalan kielen sanakirja – Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XVI. – Helsinki, 1968–2005. – Vol. I–VI.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 556; Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja, 62. Jyväskylä, 1992–2001. Vol. I–III.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 228. – Helsinki, 1946.

Zaiceva N. Virantanaz. Vepsän epos. Petroskoi: Periodica, 2016.

Зайцева Н.Г., доктор филологических наук.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр».

Ведущий научный сотрудник, руководитель сектора языкознания.

ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, 185910.

E-mail: zng@ro.ru

Материал поступил в редакцию 28.01.2019 г.

N. Zaitseva

**IMPLEMENTATION OF LINGUOMYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS
OF VEPS IN THE NAMES OF THE CONCEPT "RAINBOW"
(linguo-geographical and etymological aspects)**

The article focuses on linguistic geography and etymology for naming the concept of ‘rainbow’ in dialects of Vepsian language. In the language, lexemes are used as nouns that are adapted to transfer the desired value according to the similarity of semantics (*bembel’* ‘arc in harness’; *kare ~ kar’* ‘arc in boat, strut’). Composites are widely distributed, including the named tokens as the component being defined. *Jumal* ‘God’, *kollii* ‘dead’, as well as *hebo*

‘horse’ (*heboine* – dimin.) and others, which are historical evidence, influenced the occurrence of names Veps mythological ideas about the rainbow. In existence, there is a significant variety of forms and variants of existence, where rainbow naming has also been actively involved, which have arisen in children's speech. The variety of names is complemented by borrowing from the Russian language.

Key words: Vepsian language, language contacts, linguistic geography, etymology, mythology.

References:

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum, I–III, 2004, 2007, 2010 – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 1925; Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja, 159, Helsinki. (In Finnish)

EES – Eesti etümoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. – Tallinn, 2012. (in Estonian)

Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo jazyka, I–IV [Etymological dictionary of the Russian language]/– M., 1986–1987. (in Russian)

KKS – Karjalan kielen sanakirja, I–VI, 1968–2005 – Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, – Helsinki. (In Finnish)

Krasnaja kniga – Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii. Entsiklopedicheskii slovar-spravochnik [The Red Book of the Languages of the Peoples of Russia: Encyclopedic Dictionary-Directory]. – M., 1994. (in Russian)

LAVJA – Zaitseva N. G., Mullonen I. I., Myznikov S.A., Zhukova O. Ju, Brodskij I. V., Shibanova N. L. Lingvisticheskij atlas vepsskogo jazyka. Pod obshsei redaktsiei Zaitsevoi N.G. [Linguistic atlas of the Veps language. Under the general editorship of Zaitseva N.G.] – SPb, 2019. (in Russian)

- SDES** – Slavjanskije dervnosti. Etnolingvističeskij slovar. T. 1-3 / Pod redaktsiei Tolstogo N. I. [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. T. 1–3 / Ed. by Tolstoy N.]. – M., 1995–2004. (in Russian)
- SOSD** – Sopostavitelno-onomasiologičeskij slovar dialektov vepsskogo, karelskogo, saamskogo yazykov. Pod obshsei redakciei Eliseeva Yu. S., Zaitsevoi N. G. [Comparative-onomasiological dictionary of dialects of the Karelian, Vepsian and Saami languages. Under the general editorship Yu. S. Eliseev, N. G. Zaitseva]. – Petrozavodsk, 2007. (in Russian)
- SSA** – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I-III, 1992-2001 – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 556; Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja, 62, Jyväskylä. (In Finnish)
- Strogalshsikova Z. I.** Vepsy v etnokulturnom prostranstve Everopeiskogo Severa [Veps in the ethnocultural space of the European North] – Petrozavodsk, 2016. (in Russian)
- Sukhanova V. S., Mullonen I. I.** O protetičeskom G' v russkih govorah Karelii [About G' prosthetic in the Russian dialects of Karelia] – Severnorusskie govory v inoyazyčnom okruženii. – Syktyvkar, 1986. – P. 38–45. (in Russian)
- SVYa** – Zaitseva M. I., Mullonen M. I. Slovar vepsskogo yazyka [Dictionary of Veps language] – L., 1972. (in Russian)
- Tunkelo E. A.** Vepsän kielen äännehistoria – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 228. Helsinki, 1946. (In Finnish)
- VepKar** – Otkrytyi corpus vepsskogo i karelskogo yazykov [Open Corpus of Vepsian and Karelian language] – URL: dictorpus.krc.karelia.ru
- Vinokurova I. YU.** Mifologiya vepsov. Entsiklopedia [Mythology of Veps. Encyclopedia] – Petrozavodsk, 2015. (in Russian)
- VK** – Corpus vepsskogo yazyka [The Corpus of Vepsian language] – URL: vepsian.krc.karelia.ru
- Zaiceva N.** Virantanaz. Vepsän epos. Petroskoi: Periodica, 2016. (in Vepsian, in Finnish, in Estonian, in Russian)
- Zaitseva N. G.** Opyt i problemy yazykovogo planirovaniya u vepsov [Experience and Problems of Language Planning in Veps] – Studia Slavica Finlandensia. Tomus XXIV. – Helsinki, 2007. P. 126–153. (in Russian)
- Zaitseva N. G., Mullonen I. I.** Formirovanie dialektnoi karty vepsskogo yazyka (na materiale 'Lingvisticheskogo atlasa vepsskogo yazyka') [Formation of the dialect map of the Vepsian language (on the material of the "Linguistic Atlas of the Vepsian language")] // Voprosy yazykoznania, – № 6. – M., 2018. – P. 85–103. (in Russian)

Zaitseva N., Doctor of Philology.

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science.

St. Pushkinskaya, 11, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910.

E-mail: zng@ro.ru